И видит сны машина

Евгений Валентинович Носов

SHOUT
SHARE
IT

- Носов Евгений Валентинович
  - ○

Носов Евгений Валентинович
И видит сны машина

Евгений Носов

И видит сны машина

1

Я не раз убеждался, что нет занятия более скучного и малополезного, чем дежурство, сколько бы мне ни пытались доказать противное. Сидеть ли, стоять, ходить взад-вперед в ограниченном стенами пространстве; читать ли, играть в азартные игры с машиной или чаевничать всю ночь напролет -- все это и есть суть дежурства. Короче, занимайся чем угодно, потому как любое занятие здесь является работой. Даже сон. И остается только чисто процедурное -- чтобы зарплату было не в тягость получать,-- взглянуть мимоходом на какую-нибудь шкалу, кнопку какую нажать. А можно и не нажимать...

Мой бессменный напарник Андрей Лесик только и работает -- что спит. Сколько раз он и меня подстрекал согрешить. И ведь всегда бьет логикой. Мол, если и случится сбой в машине во время дежурства, автоматика так взвоет, что поднимет всех солистов лунных серенад в окрестностях института. А выгорит что в машине, так она сама же устранит неисправность, защитит себя и все одно просигнализирует, как намочивший под себя младенец.

Все это я и сам знаю, потому что лично монтировал и испытывал автоматику, настраивал сигнализацию на истошный вой. Вот только... спать я люблю в тишине и интиме, с комфортом и с полнометражными снами. И меня совсем не устраивают, как Лесика, импровизированное лежбище из пары листов поролона, иллюминация да постоянное присутствие над ухом комара размером с трактор.

Для меня работа -- это основное занятие и хобби. Сейчас же, когда машина построена, надежно спрятана под обшивку, опломбирована и с ней работают заказчики ее, меня убрали с глаз подальше. Чтобы я не совался к заказчикам с реформизмом и рацпредложениями. Так мотивировалась моя ссылка в ночные дежурства. И вот скоро уже два месяца я хожу около машины и только облизываюсь, как кот, путешествующий вокруг закрытой кастрюли с куриными потрохами. Всего и оставили мне, чтобы я подыскал себе занятие, более достойное, чем пустая трата времени. Какое еще может быть занятие, если я безо всяких рентгеновских лучей уже вижу рудиментарные органы,

угрожающе разрастающиеся каверны и раковые метастазы во внутренностях нашей машины!

А Лесик для того и согласился на эти дежурства, чтобы день иметь свободным и целиком заниматься своим любимым делом -- обменом, переобменом, куплей-продажей и еще всяческими манипуляциями с душами в твердых оболочках. Он библиоман. Жаль, что такой профессии нет ни в каком перечне, иначе Лесик, с его термоядерной энергией, давно бы уже занимал пост какого-нибудь доктора библиофильских наук. А я человек инертный; увлечения, требующие колоссальной траты калорий, мне противопоказаны. Может, имей я килограммы Лесика, тоже бы забесился с жиру?..

Но вот события вчерашней ночи, я думаю, должны положить конец моему схимничеству, и мне наконец-то разрешат еще поработать с машиной. Правда, сейчас я уже не уверен, что в ней надо что-то исправлять. Боюсь удалить рудимент, который может оказаться младенцем.

Вчера мы с Андреем до полуночи гоняли "теннисный мяч" по экрану дисплея -- программисты из сострадания ссудили нам несколько ленточек и магнитных дисков с видеоиграми. Я приноровился принимать "мяч" на самый край "ракетки" и делал крученые пасы. Лесик же страстно боролся со сном, утомленный бурно проведенным днем, и проиграл мне подряд пять сетов. И только азарт держал его еще в вертикальном положении. Потом он все же сломался -- обозвал меня, программистов и машину жуликами, прощелыгами, железными дубами и отправился на свое стеллажное лежбище. И сразу уснул, а его сиплый храп пытался соперничать с натужным гудением машины.

А я еще "подбродил" по пещере, полной всяких "ужасных троллей, размахивающих сверкающими мечами", и прочей нечисти, заблудился напрочь в ее лабиринтах, потерял "фонарь" и, в конце концов, был съеден кем-то. Потом я немного повоевал с марсианами в режиме не для особо сильных и, когда на экране остался всего один человечек, одержавший победу над инопланетными вандалами, переключился на книгу, которую Лесик добыл днем.

"Супербоевик! -- рекламировал мне Андрей.-- А какое исполнение!--восторгался он.-- За тридцатку идет... Извилины свернешь -- так закручено!" Я это понял уже с первых страниц и сделал попытку вычислить -кто кого и на какой странице припрет к стенке. Моя версия полностью провалилась, потому что я не учитывал наклонности автора к описанию натуры. Видно, во время работы над сыщиками-разбойниками кто-то или что-то разбередило детективную душу автора экологическими

интригами. Может, хитроумные рецидивисты в помочах прореживали строчки грядок, когда он выдалбливал на пишмашинке очередную строку круто заваренного и успешно только им расхлебанного дела?..

Отложив книгу, я взглянул на экран: там все еще ликовал победу одинокий победитель, оставленный на месте побоища "не особо сильным полководцем". Он схемно подпрыгивал, поджимая коленки и вскидывая кверху ручки-палочки, а невдалеке стоял частокол могильных крестиков над холмиками с его соплеменниками. Бедняга, он и не подозревал, что и его вот-вот уничтожат нажатием кнопки. И мне вдруг стало жаль его, маленького победителя, такого ничтожного перед чужой волей и желаниями. Его заставили воевать, и он воевал. А сейчас машина принуждает его ликовать, хотя я бы на его месте выл от одиночества. Но человек, составивший программу, даже и в мыслях не держал, что схемному человечку может быть и грустно и плохо. А машине и вовсе безразлично, кто побеждает в этих нарисованных ею войнах: на этот раз победили земляне, ну и пусть человечек довольствуется тем, что сегодня он выжил.

Интересно, подумал я, а чем сейчас может быть занята машина? Программу межпланетной войны она исчерпала, работает она всего на один терминал, и все ее информативные каналы отключены. Сейчас она ничего не видит, не слышит, никто ее ни о чем не спрашивает, ей не с кем поговорить. Но ведь она ревет, как под полной загрузкой, даже подключила себе для охлаждения два дополнительных кондиционера. Неужели она всю себя отдает на то, чтобы формировать на экране схемного человечка, ликующего на кладбище?

Я не поленился, сходил в зал, соседний с машинным, к пульту энергораспределителя. Как я и полагал, человечку уделялось меньше, чем требуется для работы наручных электронных часов. Конечно, какое может быть дело до человечка машине, пожирающей энергию при полной загрузке, словно небольшой заводик. И у меня вдруг возникло сравнение: машина уделяет столько же внимания человечку на дисплее, сколько все человечество -- мне.

Сейчас я уже не могу вспомнить, что побудило меня взглянуть на табло обобщенного сигнала потребления энергии, но я остолбенел, увидев, что заводик работает! Это быть не могло, ведь все отключено! Почти все...

Животные от рождения имеют в мозге огромную массу информации о своих возможностях и потом, опираясь на них и кое-чему подучившись, строят свое поведение. Даже ежу понятно, что раз есть у него колючки, то нечего ему попусту ноги

мозолить, убегать от кого-то: свернулся калачиком -- и прикидывайся несъедобным, как мухомор. В машину же человек вкладывает сначала поступки, правила поведения и уже после создает причины, И машина ни за что не "полетит" к другой куче навоза, если не получит от нее исчерпывающую информацию о ее вкусовых и питательных достоинствах, об ее объеме, массе и расстоянии до нее. Мухе же бывает достаточно просто слетать к другой куче, потому что она самостоятельнее машины и не спрашивает у человека его согласия... Захочет -- полетит, не захочет -- не полетит. Муха -- она птица гордая и своенравная.

Человек сам для себя вывел, что интеллект есть разум, способность к мышлению, но сделает ли когда такой вывод для себя машина?

Жесткая программная память обычных ЭВМ не устраивала нас. Как говорят, сколько людей, столько и мнений; а мнения, вдобавок, еще и меняются, и пересматриваются, и уточняются; так сколько же потребуется перфоленты, магнитной ленты и дисков, чтобы уследить за всеми? Горы! Казбеки, Килиманджаро, Джомолунгмы! Испугавшись этих высот, мы вдруг обнаружили интересный кружной путь. Мы построили память машины из нескольких миллионов электронных ячеек и записывали в нее информацию в пространстве и во времени. Это чем-то сродни фотографии. Там изображение проецируется на замкнутую растром плоскость и фиксируется на ней раз и навсегда. В нашей машине такой кадр запечатляется на матрице, заполненной ячейками с памятью. На матрицу сканируется изображение наблюдаемого объекта, а машина делает метку времени и присваивает кадру его код. И когда ей нужно "вспомнить" тот кадр, она просто со скоростью света возвращается в прошлое по оси времени, находит метку и вновь проецирует записанное ею когда-то изображение. Такой поиск машина проводит сама, ей достаточно только дать задание.

Такая память является практически безразмерной: тут уж на все мнения хватит. Кто знает, может, именно таким образом устроен живой мозг? Ведь и он -- большой матричный экран с ячейками-нейронами, только как бы скомканный в шар, а содержит в себе всю информацию, которую получает извне. Человеку давно хотелось заиметь себе памятного помощника, столь же надежного и верного, как носители генной информации -- спирали ДНК.

Машину мы строили всем институтом долгих семь лет.

Чтобы мозг мог жить и, в некоторых случаях, думать к нему добавлена огромнейшая пристройка в виде туловища. Так вышло и у нас: на шкаф с блоками памяти пришлось полсотни с блоками

управления, контроля, кодирования, дошифровки, питания... Да еще сверху -- точнейший атомный хронометр. А еще и "глаза", и "уши", и- всякие рецепторы. И все это в тройном экземпляре: чтобы по выходу из строя одного "органа" незамедлительно подключался резервный.

Лесик завидует черной завистью машине -- у него слабое зрение и песок в печени,-- и шутит тоже по-черному. "Выкатить бы близорукие глазки, да поставить свежие,-- говорил он, страдальчески подперев рукой голову и глядя христовыми глазами на машину.-- И печенку не мешало бы пропылесосить". Я тогда здорово перепугался... Представьте: ночь, нормальные люди и нормальные машины спят, кто-то смотрит полнометражный сон, где-то интим, а здесь -- я, не зная, чем заняться, ищу себе занятие, от гудения машины уже гудит в голове, и вдруг Лесик выдает что-то из области психопатологии.

Мы с Лесиком --"скорая помощь". Нас потому и выгоняют в ночные дежурства, чтобы машина не оставалась без пригляду и чтобы при малейшей поломке мы сделали все возможное для ее устранения. Время в пашей машине не должно останавливаться никогда. А чтобы мы сами не стали причиной неисправности машины, пусть даже из чисто профессионального побуждения, все, что можно было открутить, опутали проволокой и опломбировали. Лично я не против этих мер, хотя у меня руки чешутся покопаться еще в машине, зная, чем чревата для нее остановка даже на секунду.

2

Я ничего не предпринял сверх запрета: не вскрыл ни одной пломбы, не включал вводных устройств. Я только нажал кнопку ВЫВОД ИНФОРМАЦИИ. Мне нужно было знать, с какой это стати практически бездействующая машина пожирает столько энергии...

Признаться, я думал, что это шутка программистов, введших в машину столь нелепую программу поведения. Но очень скоро мне уже было не до шутников, не до Лесика, храп которого уже не раздражал меня.

Едва я нажал кнопку, как экран дисплея, на котором я еще недавно вел боевые действия, словно взорвался множеством картинок. Впрочем, это были не совсем картинки, скорее поспешно набросанные эскизы -- стилизованные контуры предметов со слабой, едва намекающей на тени, штриховкой внутри. Картинки накладывались одна на другую, как схемы выкроек в журналах мод. Поначалу я так и принял их за выкройки. Если бы не их движения...

Я попробовал проследить взглядом за движением одной из

картинок -какой-то жуткой помеси слона и таракана. Сосредоточив все внимание только на этом существе, я заметил, что оно передвигается к левому краю экрана. Шесть слоновьих ног несли на себе плоское обтекаемое тело, к которому были подвешены рачьи клешни, длинные усы в такт движениям прогибались на концах, между усами извивался, что-то выискивая впереди, хобот. Существо время от времени взбрыкивало задними ногами, словно отбиваясь от кого-то наседающего сзади. Подойдя к краю экрана, оно величественно скрылась за ним.

Потом мой взгляд выхватил из мешанины уже знакомые мне изображения человечков и марсиан, барражирующих над ними. И только тогда я заметил, что на экране разыгрывается целая баталия. Война миров шла с переменным успехом, но к концу остался только один человечек среди крестов. Бой начался заново.

Я просмотрел несколько вариантов сражения -- они заметно отличались по ходу один от другого,-- но почему-то всегда, с непонятной неизбежностью, мой маленький солдат оставался в одиночестве. Но теперь я знал, что машина занята не только ликующим человечком, что она тратит огромную энергию на свои непонятные картинки. Что же она моделировала? И что вообще с ней происходило? Я откровенно не понимал, да, мне кажется, и не пытался что-то понимать, а просто смотрел на экран, обо всем забыв, не в силах оторваться от картинок.

Изредка экран вспыхивал на мгновения четкими, но непонятными образами. Мне показалось, что я видел в этих вспышках изменяющуюся с каждым новым кадром мимику нечеловеческого лица. Почему показалось? Не знаю, наверное, это срабатывало седьмое чувство. Почему седьмое? Да потому, что шестому обычно приписывается ощущение опасности. У меня же было другое ощущение. Словно сопереживания.

Я чувствовал, что мышцы на моем лице непроизвольно напрягались, расслаблялись, вытягивались, двигая за собою кожу. И вместе с этим во мне вдруг лавинно ожили самые разные чувства. Я и улыбался, и хмурился, и злился непонятно на кого. И все это во мне рождалось беспричинно, и с такой поразительно быстрой сменой оттенков, что я не успевал сообразить, чего это ради мне вдруг становилось весело, как тут же чувство меняло свою полярность, и снова я пытался сообразить -- отчего мне страшно...

Но потом я все же ухитрился выхватить взглядом одну из картинок, и мозг мой успел ее зафиксировать. Это была улыбка. Просто нарисованная на экране улыбка. Отдельно. Не было лица, нарисованы были только чуть приоткрытый рот, с поднятыми

кверху уголками, череда морщинок-штришков по бокам его, прищуренные глаза без зрачков, веселые дужки над ними. Я моргнул, и увидел перед собой уже другое выражение. Сейчас улыбалась только одна сторона рта, а штришки морщинок стали резче, жестче и выразительнее. На этом рисунке не было глаз. И я понял, что это изображена усмешка. Или равнодушная, дежурная улыбка. И еще я понял, что тоже усмехаюсь. А внутри у меня было что-то такое барственное, холодноватое и надменное. Я вспомнил, что подобное выражение строило мое лицо, когда в сугубо мужской компании затевался разговор о женщинах. Мне захотелось улыбнуться своей догадке, но рисунок, сменивший усмешку, передал мне такую порцию злости, что у меня в груди будто еж завозился, словно кто битого стекла натолкал в легкие... Но уже следующий кадр навеял что-то добродушное и простое, легкое и умиротворенное.

Такое ощущение у меня было, что я перед зеркалом и -- кривляюсь. И не театрально, упражняясь и пробуясь в мимике, а с самыми глубокими чувствами. Ведь жжение в груди у меня появляется только тогда, когда я злюсь по-настоящему. И у меня же есть только одно средство сбить с себя эту злость, задавить ее в себе -- двинуть по чему-нибудь крепенько кулаком, да так, чтобы кожа на костяшках лопнула. Объектом для принятия моей злости обычно оказывались стены. И друзья, зная такую мою прихоть расправы над озлоблением, завидев бинты на моей руке, начинали подсмеиваться и подтрунивать надо мной. Мол, как стенка, не лопнула? Здорово ты ее измордовал? Знают же, черти, что в это время я уже, как обычно, дружелюбен и спокоен. Но чтобы простой рисунок смог с меня снять озлобление, такого у меня еще не было никогда.

А может, и не лицо вовсе я видел в тех рисунках, вернее, не выражения нарисованных чувств, а какой-то придуманный машиной особый способ передачи чувств? И ото уже я олицетворил придуманное, сделал его таким, каким оно удобнее мне, как человеку, становилось?

А передо мной мелькали все новые и новые картинки. И я будто перешел, вжился в них...

Меня столкнули в пропасть, и я ощущал долгий полет в нее. И никак не мог долететь до дна. Мне уже опротивел этот полет, я уже желал скорейшего конца, торопил его. И, наконец, упал. На острые камни. Они проходили сквозь меня, рвали меня на части, и я становился множеством. Будто сотни меня были разбросаны по камням, но каждая частичка оставалась мною. И одна мысль билась во всех: "Когда это кончится? Когда... кончится?"

Потом я снова стал единым. Был шестеренкой в каком-то

механизме, бешено вращался, передавая свое вращение другим шестерням. И я знал: остановись хоть на мгновение движение -- и замрет сама жизнь. Везде. Всюду. Только движение -- есть жизнь... И я не мог остановиться, когда, обратившись электроном, мчался в чужую бесконечность, вырванный из своего ядра. Я был твердо уверен, что никогда мне не добраться до какой бы то ни было цели, потому как не было ее, но и никогда мне уже не вернуться на свою орбиту, на круги своя. Я путался в бесконечных лабиринтах, сталкивался с такими же, как я, электронами-одиночками, отскакивал от них, и после каждого такого столкновения двигался все быстрее и быстрее. И я уже ничего не мог различить вокруг себя: поначалу все сливалось в белое -- и галактики вещества, и отдельные атомные скопления, и одинокие атомные системы с пынтащими ядрами солнц,-- потом долго серело .все, будто сгущались сумерки, и вот уже только бесконечная ночь сопровождала меня, одинокого и потерянного. А может, это я растворился в ночи? Сам стал тем, что заполняло темноту? Звездами атомов, системами, скоплениями, Галактиками, веществом и его скоплениями?.. Но тогда я не должен был чувствовать своего одиночества, когда являлся бы всем. Или частное и целое все равно могут быть одинокими? Действительно, будет ли счастье в толпе из таких одиночеств? И не все ли равно -- одинок ты в толпе или в себе?.. Но потом и последнее мое чувство растворилось во тьме. Я просто стал никем. К чему одиночество в одиночку? Теряется всякий смысл в чувствах... Наверное, это смерть...

Это было невыносимо! Зная, что ты мертвый, анализировать свое состояние. Зная, что тебя попросту нет, не существует тебя нигде в мире, оценивать со стороны свое отрицательное нахождение. Машина поставила меня в условия, которых быть не может. И мне же она предлагала как-то еще осмысливать их.

3

Очнулся я и долго силился попять: где я, какой я в что, собственно, есть Я. Электрон, шестерня, пли Я -- это движение? Может быть, "очнулся" -это не то слово, но говорю так, потому что обрел способность чувствовать. Знал, что живу. Может, это сам организм заявлял так о себе через мозг? И когда увидел пальцы на клавиатуре, я знал, что это мои пальцы. И когда услышал буханье в голове, знал, что это шумы от работы моего сердца. От головной боли судорогой сводило челюсти. Но это была моя боль! Я не мог понять только своего состояния: сов это или явь. Не мог определиться в обстановке, не было во мне сознания собственного Я.

Но потом, как-то ненавязчиво, по штришкам, по кирпичикам

росло во мне Я. Может быть, оно просто соединялось из множеств, из электронов, но я уже мог определиться.

Я все так же сидел перед экраном дисплея машины, на котором безмятежно роились цифры, мелькали диаграммы, строились и рушились графики и что-то вспыхивало временами. Но я не подшил, когда положил руку ЕЙ клавиатуру. Я поднял пальцы с кнопок, посмотрел на буквы, притаившиеся под пальцами, и удивился, поняв, что набирал на клавиатуре команду останова. И, сноса посмотрев на экран, я увидел в левом верхнем углу его маленькую, светящуюся букву 8. Видимо, я все же смог остановить машину, когда она заставила меня сыграть в свою смерть.

Громко всхрапнул Лесик. что-то забормотал тревожным голосом. Я кинулся к нему. Андрей застонал во сне, глаза его судорожно двигались под веками.

-- Что, где?!--выпалил Андрей. Он резко дернулся, попытавшись подняться на ноги, но только трахнулся головой о полку стеллажа. Чертыхнулся, поглядел на меня шальными глазами.

-- Ты чего?!--возмущенно спросил он. Голова его как-то странно дергалась.-- Перестань трясти меня!..

Признаться, только после этих его слов я понял, что действительно трясу его за плечо.

-- Ты что сейчас видел во сне?-- спросил я. Андрей поджал пухлые губы, поморгал.

-- Да п-ничего ос-собенного,-- заикаясь, пробормотал он.--Т-так, ерунду всякую.--Он сладко потянулся, зев-пул с какими-то волчьими призвуками.-- А что, я орал?..

-- Нереальное, фантастическое?!--взревел я.

-- Ошалел?--грубовато спросил Андрей.-- Какое там, к черту, нереальное -- п-п-первый раз-звод с Люськой вспомнил!.. А з-зачем тебе мои с-сны?-спросил он, переворачиваясь со спины на бок. И, устроившись на локте, уставил на меня свои ехидные глаза: -- Г-гадалкой решил под-дработать?..

-- Да так,-- отмахнулся я, и тут же спохватился: чужие тяжбы всегда вызывали у Андрея сочувствие и понимание, и он начинал делиться своими. И я тогда добавил, несколько даже поспешно: -- Машину решил погонять в режиме вывода информации, и хотел заложить в нее какую-нибудь нереальную ситуацию. А что может быть нереальнее сна?..

Андрея не насторожила моя поспешность. А к вопросам использования машины он относился очень и очень прохладно, считая свою работу с ней законченной. Если заказчик принимает машину такой, какая она есть, отговаривался он, значит, она и

такая его устраивает. Он отнесся к моему решению с прохладцей, я бы даже сказал, с попустительством.

-- Делать т-т-тебе нечего,-- сказал он.-- Ложился бы лучше спать: и тебе п-полезнее, и машине.-- И он завозился на поролоне, устраиваясь поудобнее.

А я снова уселся за дисплей.

На экране сейчас порхала огромная зеленая бабочка с толстым брюшком. Вела она себя мирно: не скалила мне физиономий, не пыталась проникнуть ко мне в подкорку, чтобы там взорвать мое Я, рассыпать его по всему мозгу, рассеять по Вселенной. И я вспомнил, что это программисты "заложили" бабочку для забывчивых. Если к машине не обращаются в течение пяти минут, то она рисует на мониторе бабочку. А если и бабочка не привлечет внимания -- еще через пяток минут машина отключится сама.

А ларчик просто открывался...

Я успокоился, даже стал равнодушен ко всему. Наверное, это мозг не выдержал стрессового состояния и что-то где-то переключил в себе. Так бывает, когда просыпаешься в самом разгаре жуткого сна. Просыпаешься для того, чтобы понять, что твой бред -- это всего лишь сон, и успокоиться этой мыслью.

Бабочка все еще порхала на экране. И несколько странными были ее движения. Она будто звала меня куда-то. Вырастает во весь экран, расправит крылья, словно для объятий, затем медленными, осторожными движениями складывает их. Потом упорхнет в глубину, немного помаячит там зеленой точкой, и уже торопится вернуться. Позовет трепетными крыльями и снова улетает...

Никуда она меня не звала. Не могла она звать. Это программисты "нарисовали" ее так, что она уменьшалась или вырастала в размерах, ведь бабочка -- это всего лишь сигнал, сигнал для привлечения внимания. Пять минут прошли -- и машина, посигналив напрасно, отключилась.

Все просто.

И сейчас, пытаясь найти объяснение поведения машины, я чувствовал себя неспособным мыслить в иных масштабах. Ведь машину я принижал до навозной мухи, а сейчас -- что же, признать, что ей доступны высшие чувства? И не только доступны, но еще и передаваемы другим? Что в машину вселилась душа, черт или леший? Или это домовой, вернее, "институтский", разыгрывает меня?..

Как перейти мне в масштабы необъяснимого? Как подступиться? Единственное, в чем я уверен, что мне не приснился полет в бесконечности, что все это не было сном. А

если и было, то чьим угодно, только не моим.

И мне вдруг захотелось спокойно уверовать в машинную душу, а не копаться в ее электронной физиологии.

Как все же трудно вести спор о том, чему нет объяснения.

Так и просидел я весь остаток ночного дежурства перед черным экраном. Думал, как мне вырваться из своих представлений, что выделить для отправного: схоластическую душу или искать начало познания в другой крайности -- в жестком механическом расчете? Машина рисует чувства, она вызвала меня на сопереживание, подвела меня к такому ощущению одиночества, что я принял это за свою собственную смерть. Что это, отчаянное одиночество, рвущееся из души машины? Или все дело в том, что машина попросту неисправна? Ну, что-то выгорело в ней, и теперь электроны носятся по ее жилам неприкаянными призраками -- вот машина и плачет... Душа или поломка?..

Вот как соприкасаются крайности: одна, в которую я не верю, потому как не вижу в ней действительных плодов ума, и другая, которой я не хочу сейчас верить -- слишком уж она разумна. От сердца или от ума понимать машину?

Мысль моя все же работала. Да и куда ей, бедняге, было от меня деться -- отбери у человека мысли, и уже никакая душа не сделает его снова разумным. И пока где-то глубоко в подкорке туго переваривался, напряженно дебатировался извечный вопрос человечества -- отдать предпочтение сердцу или разуму,-- другие отделы моего мозга, я полагаю, что те, которые насквозь пропитались материалистическими представлениями, небезуспешно объяснили мне, как машина завладела моими чувствами.

Я вспомнил, с каким трудом мне удавалось выхватывать из месива линий отдельные картинки, какое напряжение требовалось, чтобы проследить за их движениями. Это избирательность мозга. Не может человек одновременно что-то читать и говорить о другом, или читать и писать сразу. Гай Юлий Цезарь, поговаривают, был способен на такое. Но это классический пример психопатологии. Нельзя проследить за полетом стрелы, не потеряв при этом контроля за окружающим. Тут уж приходится выбирать: или -- или. Здесь больше повезло хамелеону: природа дала ему способность раскидывать свой взор. Но и хамелеон уязвим. При одинаковых опасностях с обеих сторон он остается на месте. Не успевает его мозжишко дать надлежащий импульс в его ноги. Так и я: пока я следил за одной картинкой, в глазах моих, как в зеркале, отражались все другие, и эти изображения передавались в мозг. И хотел я того или не

хотел, только картинки проникали в подсознание, как-то фиксировались там. Будто на большой скорости проезжаешь мимо какого-нибудь здания, а потом вдруг с удивлением вспоминаешь -- какой формы и содержания была на том здании надпись. И ведь она каким-то непостижимым образом выделилась из мешанины, из мелькания других. Неловко становится тому, кто оказывается перед этой надписью, узнает дом, а потом с мистическим ужасом начинает бешено соображать, когда это он здесь побывал.

Потом, когда темп движения картинок усилился, действительность стала вытесняться ими из моего сознания. Как ни подвижен глаз, как ни скоры реакции в мозге, мышление не может поспевать за ними, слишком оно инертно. Потому как оно длинная, петляющая, с неисчислимыми витиями противоречий - цепь ассоциаций. И все -- я пропал! Я превратился в созерцателя, и это стало моим мышлением.

4

Рассказывать о своих ночных видениях, сомнениях и дознаниях я не стал никому -- обидно было бы услышать о себе плохое. Да и что бы я сказал? То, что машина неисправна, или то, что в нее вселилась душа? В первое-то поверят, начнут искать причину, не сомневаюсь, что найдут, и заказчики накатают очередную кляузу о нашей нерадивости. И начальственные стрелы, в первую очередь, полетят в меня: почему, такой-сякой, не обеспечил защиты -премию с тебя долой! В рядовые монтажники тебя! Цитатами начнут бить по голове, что ЭВМ в руках посредственности -- это страшно! (Только с началом сдачи заказчику, из чисто альтруистических соображений, из машинного зала был начальственно изъят плакат с такой цитатой.) В машинную душу никто не поверит. Скажут только то, что я переутомился, и все одно будут добиваться до причины поломки. А вдруг они найдут? Вдруг они исправят в машине то, что так потрясло меня -- починят ее, убив в ней способность потрясать человека?

Зал быстро наполнялся шумом: включена на прогрев аппаратура, застрекотали распечатывающие устройства, говорить все стали громче, громогласно было объявлено: "Желающим поиметь пару баночек сгущенки, сдать по трояку профсоюзу!" "Желающий" народ стал подтягиваться к центру зала, где со списком в руках стояла наша профлидерша, бойкая, юркая, визгливая Марьпална. Кто-то возмущенно пробасил! "Ну вот опять, на рубль удовольствия, на два -- нагрузки!" Ему ответили насмешливо, что так, мол, работаешь: удовольствий на два, а толку на рубль. Лесик, подсуетившийся к Марьпалне раньше всех

и записавшийся сразу на три набора, тоже начал вещать из своей области интересов. "А че, мужики, вы ропщете? Мне вон к Юлиану Семенову в нагрузку Тургенева сунули, так че ж, мне вешаться, что ли?--Он пихнул меня в бок.-- Вот Леха не даст соврать. Леха, подтверди! -- потребовал он, еще пихнув меня локтем.-- Так я Тургенева в детдом пожертвовал, чего ему у меня пылиться, пусть уж лучше детки его почитают... Леха, скажи!.. -- Я отстранился настолько, что локоть Лесика меня уже не достал.-- Так и вы эти макароны и консерву слопаете, не выкинете же!.."

-- Слушай, Лесик,-- негромким голосом остановил поток библиомана Виктор Ровин,-- продай Семенова, столько сгущенки купишь для пользы своего тела. Сгущенка-то питательнее...

Они на дух не выносили друг друга. Интеллигентный, всегда подтянутый и, может, чрезмерно ухоженный, чистенький Ровпн и разнузданный поглотитель литературы Лесик.

Я с силой потянул Виктора за рукав его безукоризненного пиджака, отделил от толпы желающих сгущенки и просто интересующихся полюбоваться на кипение страстей, отвел в дальний угол машинного зала, приговаривая: "Посдержаннее, старик, посдержаннее...". А со спины слышалось: "Да он жизни не знает, мышь кабинетная! Обкормился классикой и теперь шипит на всех, что ж-живут не так, как всякие т-т-там Ленские и В-вволконские!" Лесик так разволновался, что снова начал заикаться.

Ровина было трудно вывести из себя. Даже ураганы и смерчи разбушевавшегося руководства он переносил стойко, интеллигентно-выдержанно. Только Лесик как-то странно детонировал его спокойствие, и тогда Виктор, бледнея и багровея, чудом сдерживая себя, отчаянно перепирался с Андреем. После таких вспышек Ровин надолго выключался из рабочего режима. Этим я и воспользовался. Вроде как успокаивая Виктора, я с большой осторожностью, исподволь, вызнал у него, какие программы и информация заложены сейчас в машине. Раньше меня это как-то не особо интересовало, но программисты народ железный: "Да -- нет", "вопрос -- ответ", а Виктор -- он вдвойне железный, потому как он ведущий по программному обеспечению, и он вкратце, в три приема объяснил мне, что в массивы "забито" содержание всех томов БСЭ, тесты на распознавание зрительных и графических образов, большая программа по декодированию речи, много "спецуры", ну и, само собой, математика. А узнал я это в три приема потому, что Виктор прерывал свои объяснения перестрелкой с Лесиком, который медленно, хотя и неуклонно, приближался к выходу из машинного зала. Андрею, очевидно, сегодня было просто некогда

стреляться с Ровиным, и уже от дверей он, сказав что-то уничижительное напоследок, оставив за собой последнее слово, гордо покинул зал.

-- Алексей,-- через некоторое время сказал мне немного опомнившийся после дуэли Виктор,-- но ведь Лесик просто хам. Не то что с гнильцой в душе, а с самой настоящей помойкой! (Ну вот, и этот тоже о душе, подумал я, внутренне содрогнувшись). Как ты можешь с ним ладить?..

В голосе Виктора был укор, а я почувствовал себя бесхребетной амебой, способной расплываться в разные стороны. И если уж вешать ярлычки на душу, то у меня она, верно, липкая и скользкая. Посчитал неудобным рассказать всем о ночных видениях, не могу отказать в приюте своей бывшей жене, возвращающейся ко мне всякий раз, когда у нее случался трагический финал ее очередной и непременно пламенной любви, для чего-то я все время пытаюсь примирить взаимоотталкивающихся Ровина и Лесика, поддерживая с обоими довольно теплые приятельские отношения. И странно, что оба они считали меня своим другом, и я почему-то искренне верил обоим. А что, собственно, не устраивает Виктора, вдруг подумал я, делить мне с Лесиком нечего, в душу к нему я не лезу. Я и с начальством умею ладить. Ну вот такой я, амебный! Хочешь -- лопай, не желаешь -- выплюнь! У меня, может, только и осталось своего, что мысли. Если у человека осталось только одна уникальная способность совмещать несовместимое -- говорить на то, о чем думает, так не один я такой...

Раздражение пенилось во мне духопротивной брагой. Всем только и нужно -- покопаться в душе другого, все только и мечтают сменить там обстановочку. Вот у Виктора там ампир, у Лесика -- модерн. Ценности разные у всех, а все одно -- все люди. И у каждого свое. Ну и лелей свое, если не можешь что-то изменить! Я вот не могу изменять, я приспосабливаюсь. Так чем же я лучше Лесика? Чем я хуже тебя, Виктор?..

Но моя мелкая душонка не позволила ничего этого произнести вслух. А может, напрасно я таюсь? Может оп, как раз тот, кто может понять меня, кому я могу доверить свои мысли? А что, если рассказать ему про машину?..

-- Я, Витенька, в ладах даже со своей совестью,-- сказал я Ровину.

-- Напрасно ты так,-- огорчился Виктор.-- Твоя совесть живая, а вот с собой ты не умеешь ладить. Научись уважать себя.

Я уловил в его голосе поучительные интонации и чуть было не вспылил, и снова еж поднял свои колючки в моей груди. Но что-то вновь удержало меня на тормозах, Я удивился,

почувствовав, как скоро прошло мое раздражение. "Научись уважать себя". Мысль трезвая, и отнесена она ко мне справедливо. И Виктор не поучает, а делится.

-- И вообще тебе нужно отдохнуть,-- продолжал Ровин.-- Почему не идешь домой? Ты же после ночи. Да! -- спохватился он.-- Зачем тебе понадобилось знать программное обеспечение машины?

Я внимательно всмотрелся в лицо Виктора, в его серые, пристальные, сейчас немного встревоженные глаза.

-- После ночи, говоришь?-- Я усмехнулся. И, будто признаваясь в злодеянии, сказал Виктору: -- Сон мне сегодняшней ночью приснился, что я с машиной беседовал по душам о литературе. "Плаху" Айтматова разбирали. Я защищал, а машина мне доказывала, точь-в-точь как недавно ты, что в "Плахе" ущербное духоискательство. И еще она мне сказала, что Авдий просто душевнобольной, сознание его слоистое, как вафля,-- приторно-сладкое с пресным. Ну я подумал, грешным делом, что это ты для потомков ввел свои умозаключения в машину.

И снова я сказал Виктору полуправду, и по его глазам я видел, что он мне не поверил. Но он ничего не сказал мне, просто смотрел с укоризной. А потом его позвали к телефону, и он, буркнув кому-то в трубку: "Хорошо. Иду!",-- горестно объявил, что уходит на совещание специалистов и что эта бодяга может затянуться надолго. А мне посоветовал пойти домой.

Домой я, разумеется, не пошел. Мне и так было ясно, что сегодня уже не уснуть. Я слонялся по машинному валу, приставая к программистам с расспросами: что делает машина, когда у нее отключены все вводные устройства?

Не раз меня пытались выдворить из зала. Кто-то приволок из туалета огромное зеркало, чтобы я полюбовался на "сонное чучело". Но в зеркале я не увидел себя: там жили картинки. Кто-то тряс меня за плечо, приводя в чувство, приговаривая: "До чего, бедняга, дошел, своего отражения боится". Услышал я и предположение: "Может, его к наркологу отправить?" А я все задавал и задавал вопрос: "Что делает машина?.." И наконец мне ответили, грубо дали понять, что машина спит, когда от нее все отключено, а вопрос мой некорректный и бестактный. И в который уже раз посоветовали катиться домой... Грубый народ -- эти программисты.

Потом я, якобы по поручению, позвонил на подстанцию к энергетикам, поинтересовался режимом энергопотребления нашей машины. Там даже обиделись на мой вопрос, резонно ответив, что они обеспечивают нас энергией круглосуточно и бесперебойно. Даже установили специальный график дежурств.

Надо же, подумал я, оказывается, мы с Лесиком были не столь уж одиноки в ночных бдениях.

Главное, что я узнал от энергетиков, было то, что в последние два месяца но ночам энергопотребление возрастает. А ночью, кроме регистрирующей аппаратуры и охранной сигнализации, во всем здании института работает лишь наша машина. Поразительно, что за два месяца никто не заметил утечки энергии. Но этот отрицательный результат сейчас работал на меня.

5

Так весь день я и провел в машинном зале. Следил за всем, что в нем происходило. Наблюдал, как программисты пытали машину, как впихивали в нее очередные мегабиты информации, как потом тестировали ее. Машина вела себя как всегда, как всякая другая вычислительно-информационная машина. Запрос - ответ... Обработка и стилизация видеоизображений, записывание и синтезирование звуковых сигналов, правильность распознавания живой речи. Анализ внешних условий: температура, влажность, давление -- прогноз. Вывод спутника на орбиту с заданными параметрами -- четкий, подетальный вариант полета... Алгоритм поведения ее ничем не напоминал мне ночной. С такими машинами я работаю еще со студенчества, и с тех пор твердо уверил себя, что одушевлять машину, присваивать ей какие бы то ни было человеческие характеристики, вроде владения эмоциями, столь же наивно, как, например, считать пылесос домашним животным.

Что же со мной случилось ночью? И было ли?..

Все, кто работал с машиной, отмахивались от меня, как от назойливой мухи. Я раздражал ничего не подозревающих людей своим подозрительным поведением и дикими вопросами. Но сам я не обижался ни на кого. Я чувствовал за собой вину, что таюсь от всех, что шпионю здесь, в зале, а люди все же мне доверяют. Вообще, чувства мои были какие-то обостренные, будто оголились нервы, и по ним огнем водят. Я вспыхивал на грубость, злился, когда кто-нибудь отвечал невнятно, явно не зная досконально того, над чем он работал, огорчался, если кто-нибудь, по-человечески, просил меня отстать от него, грустил оттого, что мне не с кем поделиться своими подозрениями. Но все эти чувства постоянно удерживали какие-то тормоза во мне: будто сегодняшней ночью я приобрел некий ограничитель. Неужели это машина научила меня так владеть собой? Я прекрасно помнил, с какой легкостью я переходил из одного состояния в другое, сидя перед дисплеем, но там таких ограничений не было, там чувства просто рвались, лопались на

самой пронзительной ноте. Или это необходимость понимания удерживала меня от излишних эмоций? Чтобы они не мешали мыслить, не отвлекали меня от поиска истины?

И уже к концу дня я все же нашел виновника, позволившего машине воровать энергию по ночам. Как обычно и бывает, причина была простой и даже, я бы сказал, классической. Просто программу на отключение анализаторов машины составляла Валюта, наша драгоценная, незадачливая красавица, обольстительница одиноких сердец Валюта. Кстати, это она "нарисовала" для забывчивых бабочку. Тонкая душа... Нет, особых ошибок в ее программе не было, просто она не учла, что нужно перед отключением анализаторов производить сброс оперативной памяти машины, той памяти, которая накапливается за день работы,-- промежуточной станции между человеком-оператором и постоянной памятью машины. Вот на этой промежуточной станции для машины всегда "висела" команда на работу. А как работать, когда ты совершенно слеп, глух, нечувствителен? Остается только одно -- работать со своей памятью. И машина была принуждена перерабатывать информацию, заключенную человеком в ее электронный мозг. И мы с Лесиком, играя по ночам с ней, задавали ей, не зная того, ситуации, которые она должна была не просто обыграть, но и -- пусть это прозвучит по меркам человека -осмыслить. Вот почему в победителях оставался мой бедный одинокий защитник Земли. А после она анализировала состояние человечка, определяла, что он мог чувствовать после этих программных войн, и довела его одиночество до наивысшей точки, до которой ей позволяла дойти автоматика ограничений.

А что, если снять с машины ограничения?..

6

Я тщательно проследил, как отключали после работы от машины вводные устройства, как отсоединяли датчики. Сбегал к энергораспределителю, убедился, что нагрузка упала до расчетного значения. (Вот почему все были уверены, что машина действительно почти полностью отключалась).

В зале остались только я и Виктор Ровин. Я принял дежурство, расписавшись об этом в журнале за себя и за Лесика, и с нетерпением ожидал выбранного для себя часа. В девять -- и не раньше, решил я; к этому времени институт опустеет.

Не могу твердо сказать, чем я занимался в ожидании, просто ждал.

Около восьми заявился Лесик. Как всегда, немного потрепанный, взбудораженный, разрумянившийся. И с порога начал докладывать мне, кого и на кого он сегодня променял.

-- Держи,-- горделиво сказал он и сунул мне в руки какой-то том, любовно облеченный в дорогую кожаную обложку.-- На Семенова Стругацких выменял, свежих.

-- Продешевил,-- донеслось из угла зала, где за столом сейчас работал Ровин.-- Одного на двух обменял.

-- А этот хмырь что тут делает?! --возмущенно спросил Лесик.

-- Программу правит,-- ответил я и взмолился: -- Мужики, давайте сегодня без лая?..

Лесик хотел что-то сказать, но я его опередил:

-- Если вы будете себя хорошо вести, я такую вам фантастику покажу, что уж точно -- ни в сказке сказать, ни пером описать.

-- Видеокассету достал, что ли?--недоверчиво спросил Лесик.-- Так это... Видик-то закрыт в кабинете у шефа.

-- Терпеть можешь?..

-- После пива нет,-- весело осклабившись, сказал Андрей.

-- А ведь у него точно что-то есть,-- добавил Виктор, подойдя к нам.-Он сегодня весь день чумной какой-то. И домой не ходил... Выкладывай! -потребовал он.

-- Рано еще,-- неумолимо отрезал я.-- И, кроме того, вы должны на сегодня подписать перемирие.

-- Да на черта он мне нужен! -- вставил заинтригованный Лесик. Его любопытство всегда разгоралось сразу. Виктор ответил только после паузы:

-- Согласен. Показывай.

-- Сказал же -- потерпите.-- Я посмотрел на часы: -- Хотя бы еще с полчасика.

Виктор и Андрей на редкость дружно вздохнули и разошлись по своим местам. Ровин снова уселся править программу, а Лесик, попросив, чтобы я его обязательно разбудил, если он уснет, пошел к стеллажам, расстелил поролон и долго, кряхтя и вздыхая, забирался на стеллаж, ворочался, устраиваясь на своем лежбище.

И вот наконец я приступил. Для начала поиграл в компьютерные игры. Результаты были неважные: у меня дрожали пальцы, и я не мог заставить себя сосредоточиться на игре. Разыграл войну с марсианами. Только после третьей попытки мне удалось сделать так, чтобы последний защитник Земли сбил последнего марсианина. И когда человечек запрыгал на экране, я непослушными пальцами набрал на клавиатуре команду вывода информации на три дисплея. И сразу же на месте человечка появились выкройки...

-- Мужики,-- громко позвал я,-- в кучу!

Лесик с грохотом свалился со стеллажа, семенящей, торопливой походкой подошел ко мне. Я показал ему на кресло

перед дисплеем, который стоял слева от меня. Лесик сел, стал смотреть на экран.

-- Ну и что?-- спросил он через некоторое время с разочарованием.-- Что смотреть-то?

-- Разумеется, не секс. Секса у нас в стране не имеется,-- уколол его Виктор. Он сел за правый дисплей.

-- А вы смотрите и не отвлекайтесь. Я сейчас на минутку выйду, мне нужно кое-что посмотреть, а вы внимательнее наблюдайте.

Конечно же, они подумали, будто я пошел к периферийным устройствам машины, чтобы оттуда ввести то, чем я играю на их доверчивости. На самом же деле меня интересовали только показания на щите энергораспределителя.

Как-то моя бабушка сказала мне, что мужчины взрослеют только к старости, когда уже не могут проказить -- здоровье не позволяет. Что ж, она, по-моему, права. И Лесик, и Ровии, если не увидят того, свидетелем чему прошлой ночью стал я, решат просто, что я пошутил. Ну, пожурят, поругают, и только...

А заводик работал на полную катушку.

Я вернулся в зал. Они даже не обернулись на мои шаги. И когда я подошел к ним ближе, то сразу понял, что они уже где-то в бесконечности. А все три экрана были черны, слепы. И такие же слепые взгляды были у Андрея с Виктором. Я потрогал Лесика за плечо -- он не отозвался. Лицо у него было совершенно отрешенное; глаза недвижны, ни один мускул не живет. Тогда я ущипнул Андрея за руку -- не отозвался он и на боль. И пульса на его руке мне не удалось нащупать. Неужели и я вчера был в таком анабиозном состоянии?

А Виктор смотрел на пустой экран с удивлением на лице. Глаза округлившиеся, немигающие. Видно, в этом состоянии машина вырвала его из действительности.

Но как быстро прогрессировала машина! Я отсутствовал в зале всего минут пять, а она уже так зачаровала людей, что они выключились от всего.

Тихонько звякнул зуммер перегрузки, зажегся красный транспарантик на панели машины. И я испугался...

Днем я подготовил сигнализацию к отключению, и сейчас мне только оставалось отключить защиту машины -- всего отжать несколько кнопок. Но я испугался. Я же понятия не имел, что машина сможет сделать с людьми. Ведь вчера она отключилась, и уже потом, когда приходил в себя, я задал ей останов. Вчера мне удалось вырваться из мира одиночества. А что будет сегодня, когда я продлю агонию бесконечности для Виктора и Андрея? Машина может выйти из строя от перегрузки, но полностью же не

выгорит. А люди? Что станет с ними? Ведь одиночество и смерть -- они же так близки.

Странно, что это открыла мне машина...

А вдруг в ней и есть та самая душа, в существование которой я никогда не верил; может, я уподоблялся мяснику, оценивающему животное на сортность филейных частей и вырезок? И я потрошил душу на нервные волокна и нейроны, на реакцию и психику, не замечая, что она -- нечто цельное, невозможное в частях, неотсекаемое без боли и утрат единство?..

Я без сожаления рванул пломбу на блоке автоматики, отключил защиту...

Может, я уже становился машиной, что так тверда была моя уверенность в правоте? Ведь я не остановился на середине, я решил? Решил, отбросив все свои сомнения, хотя и знал, что не имею права, что машина может выйти из строя, и она должна наверняка сгореть, потому что я не видел ни процента шанса ей остаться невредимой -- таковы законы электроники. И все же я отключил защиту.

В этом моем поступке не было воли разума...

И такая неожиданная боль ворвалась в голову, будто взорвался в ней мозг -- это, наверное, столкнулись в бою мои сомнения,-- и откуда-то издалека до меня донесся чей-то сдавленный стон. Я обернулся к людям и ужаснулся, увидев, какие мучения крутили их. Лесик словно пытался спрятать свою голову в плечи; сильная дрожь била его, с таким усилием он вжимался в себя. А Виктор рвал галстук, душивший его; шея вздулась, резко обозначились жилы. Он будто боролся с собой, не пускал себя в экран: руками с силой давил на грудь.

Я рванулся к ним. И во мне тоже боролось что-то непонятное. Я чувствую, что бегу к Лесику и Ровину, и в то же время движения мои -- как через усилия -- судорожные и медленные-медленные. Когда я все же добрался до Андрея, то вдруг понял, что не смогу отключить его дисплея: руки не слушались меня, я не мог разжать кулаков. И тогда я кулаком ударил по выключателю. Но что значит -- ударил?..

Медленно падал кулак на панель дисплея, и когда я коснулся им клавиши выключателя, подумал, что у меня не хватит усилия нажать. Но очень удивился, видя, как мой кулак не только с хрустом вдавил выключатель в панель, а продолжал движение, и под его усилием проминался металл. И когда я так же медленно убрал руку, то увидел обширную вмятину на панели.

Потом я так же в судорогах "бежал" к Виктору...

Снова существовали они отдельно -- тело и мысль. Тело не подчинялось, а мысль объясняла, что это кажущееся; что я

действительно бежал, что бил со всей силы по выключателям, крушил, ломал их, вот только мозг работал гораздо быстрее, чем обычно. Что в пиковых ситуациях так бывает. Бывает, что инстинкт снимает некий предохранитель, сдерживающий до определенного порога твое мышление, убирает шоры с глаз, дает в мышцы огромную силу... И тогда... Женщина поднимает легко автомобиль, под который попал ее ребенок, кто-то в панике перемахивает трехметровый забор, третий уклоняется от пули. А Болдинская осень? А композитор, в одно мгновение увидевший свое будущее произведение?..

Об этом я думал, долго падая на пол.

6

И только я коснулся рукой пола, как в это мгновение все стало на свои места, мышление и тело вернулись в свою временную согласованность -- я только и успел чертыхнуться, больно ударившись локтем. Я будто вернулся в действительность, и мысли мои стали снова отчетливыми. "Нужно проверить машину",-- подумал я и, поднявшись с пола, обошел сидящих перед дисплеями Лесика и Ровина,-- все еще пребывающих в трансе, но уж без мучений на лицах, сейчас каких-то сонных,-- приблизился к блокам защиты машины, включил сигнализацию.

Тишина. Чуть слышный шелест кондиционеров, слабое гудение силовых устройств за кожухами. И не взвыли сиреной динамики, не заполыхали отчаянно-красные транспаранты тревоги...

Странная тишина. Означающая, что машина вышла из строя...

Вертелось в голове еще одно предположение, по оно было такое же фантастическое, как и существование в живом души: а может, машина как-то защитила себя сама?..

Я прошел к свободному дисплею. Долго сидел, сдерживая себя, стараясь подавить дрожь в руках. Потом прибавил яркости на экран и увидел странное: схемные человечки ликовали, вскидывая кверху свои ручки-палочки, а между человечками толпились маленькие квадратики "марсиан", и они тоже двигались -- вверх-вниз, вверх-вниз,-- словно тоже радовались. Я видел братание миров, доселе, по программе, только враждовавших между собой!

И тогда я набрал на клавиатуре первый пришедший в голову вопрос: "Что есть душа?" Машина без промедления выдала на экран длинный столбец предложений. В начале столбца было: "Душа"--термин, употребляемый иногда в качестве синонима термина "психика"..."; внизу--"Подлинно научное объяснение человеческой психики дается в диалектическом материализме, который на основе данных современного естествознания

опровергает ненаучные, идеалистические представления о душе". И теперь возликовал я. Машина оказалась здравым материалистом, и главное -- она была исправна!

Все это снова напоминало мне сон. Но не мой, а машинный. И тараканослон, и взвинчивание одиночества до запредельной черты, и, сейчас, вот, братание миров. Машина видит сны?.. Но только живому дано видеть во сне пережитое, сопоставлять что-то, фантазировать. Да, фантазировать!

Что может быть нереальнее сна?..

Выходило так, что в то время, когда отключены все вводы машины, по которым она принуждалась к работе только с ними, она была свободной. Она работала на себя. Не была уже рабыней приказов. Но заложенная в ней программа на обработку данных, которых не было в те моменты, и программа самообучения заставляли ее работать. И она работала. Моделировала что-то свое, то, что случайно подглядел я, когда вторгся в ее сон.

Перед машиной стояла неясная, неконкретная задача -- просто работать. У человеческого мозга такая же задача, иначе сам человек не стал бы задумываться о смысле своего существования. От неконкретности начинаются фантазии. И не один я разыскиваю душу: человек, как только определился в своем существовании, поставил перед собой эту новую неконкретную задачу.

Машина, получившая возможность абстрагировать,-- это уже не просто машина...

Андрей и Виктор очень трудно выходили из подчинения машинному сну. Что они увидели дальше -- за одиночеством и смертью? Продолжение? Но чего?!.. Может, за той гранью было рождение, страшное, мучительное рождение нового?..

-- Что с машиной?-- был первый вопрос Виктора. !

-- Жива,-- ответил я.

-- Жива,-- тихо повторил он за мною.-- Живая.-- Он помолчал, через прищур глядя на экран. Потом сильно зажмурился, глухо простонал, как от боли, сдавил руками голову.-- Действительно, живая,-- едва внятно пробормотал он.-- А мы ее убивали... Каждый вечер...

Лесик вдруг заплакал: сначала его круглое лицо раскраснелось, потом он по-детски всхлипнул раз, другой, и крупные слезы быстро покатились по его пунцовым щекам.

-- Не так,-- простонал он.-- Все не так.-- И спрятал лицо в ладони.

-- Что вы видели?! --не в силах уже даже пытаться что-то понять самому, спросил я у них.

Виктор медленно повернулся ко мне, долго разглядывал меня

в сильном удивлении.

-- Жизнь,-- сказал он, как о чем-то разумеющемся.

И тут я понял. Не состояние моих друзей -- почему один плакал, а другого удивил мой вопрос; не свое -- отчего сегодня я вдруг стал решительным; не опасался я и за свой рассудок -- ночью в машинном зале было четверо сумасшедших: я, мои друзья и... машина. Просто я понял, что мне нужно было сейчас сделать. Нужно включить микрофоны и синтезатор машины и вызвать ее в режим диалога.

-- Ты машина,-- сказал я в микрофон.

-- Машина,-- отозвался безликий голос из динамиков.

-- Мы -- люди.

-- Да.-- Все та же безликость, равнодушие.

-- Вопрос: ты мыслишь? Пауза.

-- Я мыслю.-- Это был не ответ и не вопрос. По интонации машинного голоса, если сравнивать его с человеческим, в этой маленькой фразе слышалось затруднение.

Да, я вызвал машину на диалог потому, что уже убедился в ее способности к молниеносному прогрессированию. Она нашла способ уберечь себя от перегрузки, видимо, обучившись сдерживать нагнетание чувств до какого-то предела. Кто знает, может быть, она выработала в себе инстинкт по сдерживанию эмоций? Если это так, то машина в какие-то мизерные единички времени повторила эволюцию природы, ее эксперименты по отбору тех живых организмов, которые считаются высшими, к которым причисляет себя человек. А как мало затратила природа, чтобы дать высшему организму сознание...

-- Я мыслю?--повторила машина, уже вопрошая.-- Я разумна...-- Снова затруднение. И неуверенное, тихое:-- Да.--И вдруг будто грохнул торжественный салют: -- Да! Да! Да-а!!!